

УДК 94(470)

Ведерников Виталий Валерьевич,

доктор исторических наук,

Алтайский институт экономики,

филиал Санкт Петербургского университета управления и экономики,

vedernikov75@mail.ru

К вопросу о сверхэксплуатации мастеровых на Алтае в период феодализма

Аннотация: В статье ставится под сомнение тезис советской историографии о сверхэксплуатации мастеровых в горнозаводском производстве Алтая в означенный период. Опровергаются историографические оценки изоляции Алтая от мировой экономической конъюнктуры, технической отсталости металлургии и горного дела. Показано, что технологии на Алтае бурно развивались. Стадиальное падение мировых цен на серебро давало толчок к технологическому росту не только на Алтае, но и в Саксонии и Гарце. Алтай дал миру такие технические стандарты, как автоматизация всех стадий отработки месторождения на Змеиногорском руднике и транспорт добытой руды с этого рудника на одноименный завод по железной дороге. Таким образом, производство серебра в мире развивалось однородно. Далее автору стало очевидно, что при одинаковом с Саксонией и Гарцем технологическом уровне, условия труда также должны быть одинаковыми, а уровень травматизма – одинаковым, что также нашло подтверждение как в источниках, так и в современной немецкой научной литературе. Наконец, возникла гипотеза об одинаковом размере заработной платы в Саксонии и Гарце и на Алтае. Годовой заработок плавильщиков Гарца и Саксонии (100–150 талеров в год) вполне сопоставим с зарплатой мастера на Алтае (120 руб. в год). Поэтому автор статьи и делает вывод о том, что на Алтае протекали промышленной модернизации и складывания потомственного пролетариата, аналогичные европейским, включая складывание городских центров с населением, изначально ориентированным на горное дело и металлургию.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Кольвано-Воскресенские заводы, мастеровые, серебро, Саксония, Гарц.

Крупное металлургическое производство на юге Западной Сибири, начиная со второй половины XVIII столетия и в продолжение всего периода феодализма, оставалось одним из главных явлений в экономике региона, а контингент высококвалифицированной рабочей силы являлся самым крупным в Сибири [6, с. 187]. За подневольными горняками и металлургами в историографии закрепилось понятие «мастеровые».

На предприятиях Алтая плавил серебро и золото, попутно свинец, а также медь, из которой в 1766–1848 гг. чеканилась монета; чугуны и железо шли,

прежде всего, на удовлетворение потребностей кабинетских заводов и рудников. Но главным процессом было производство серебра.

Об экономической роли горно-металлургических предприятий Алтая свидетельствует следующая статистика. В 1745–1874 гг. на Алтае было выплавлено 1,8 тыс. т. серебра (или 80 % в общероссийском производстве), на Нерчинских заводах в 1704–1875 гг. – 435 т., на Алагирских заводах в Грузии – 366 пудов (1853–1872 гг.), на Киргизских заводах – 68 пудов. В течение второй половины XVIII в. Алтай быстро выдвинулся и в европейские лидеры: За 1751–1800 гг. в Саксонии было выплавлено 457,6 т. серебра, в Нижней Венгрии – около 120 т., на Алтае – 594,6 т., на Нерчинских заводах – 243,4 т. В вице-королевстве Новая Испания за тот же период времени произвели более 22 тыс. т. серебра [3, с. 19]. В первой половине XIX в. производство серебра на Алтае стабилизировалось на уровне 1 тыс. пудов в год, тогда как в австрийской империи производили 1,8 тыс. пудов ежегодно, а в Саксонии – 900 пудов.

Историография рабочих кадров на кабинетских предприятиях Алтая начала формироваться на рубеже XIX – XX столетий. Со времен сборника «Алтай» очень прочно закрепилось представление о сверхэксплуатации мастеровых на кабинетских предприятиях юга Западной Сибири, которую отмечали в своих работах чиновник Алтайского округа И. Тыжнов и народник Н. Зобнин [12, с. 1–151; 4, с. 1–48; 5, с. 391–415]. Можно предположить, что ссыльные народники, входившие в состав авторского коллектива, выражали таким образом свое неприятие правящего режима.

Сверхэксплуатация мастеровых выражалась: 1) в телесных наказаниях, налагаемых по на мастеровых по воинскому уставу; 2) в низком уровне заводской техники и профессиональных заболеваниях им вызванных; 3) в высоком травматизме горняков; 4) в низкой оплате труда; 5) в дополнительными подработками мастеровых помимо службы на кабинетских предприятиях; 6) в труде мальчиков с 12-летнего возраста.

С середины XX в. тезис о сверхэксплуатации подневольных работников был с энтузиазмом поддержан советскими историками (прежде всего, конечно, Т.И. Агаповой и З.Г. Карпенко и др.) и попал на благодатную идеологическую почву. Таким способом историки советского периода «общий кризис крепостничества» на местном материале. Т.И. Агапова оценивала состояние кабинетской горнозаводской промышленности Алтая как кризисное [1, с. 8–12], З.Г. Карпенко – как застой, стагнацию. В историографии преобладает точка зрения Карпенко, она получила широкое распространение в крупных обобщающих научных трудах по истории крестьянства и рабочего класса Сибири, в учебных пособиях и лекционных курсах. Выражаясь современным языком, оценки Карпенко и Агаповой были «идеологически мотивированными».

Сложившиеся, таким образом, к концу XX в. представления состоят в том, что общий кризис самодержавия в России в первой половине XIX в. выразился в изоляции производства серебра на Алтае от мировой

экономической конъюнктуры, последствием чего стала техническая отсталость горнозаводского производства, оборотной стороной которой и являлась свехэксплуатация мастеровых. В 80-х гг. XX в. тезис об общем кризисе самодержавия сибирскими исследователями был отброшен, но всё еще цепко держит исследователей, потому что производные от него выводы остались.

З.Г. Карпенко в своей фундаментальной монографии сделала вывод об отсталости горно-металлургической промышленности юга Западной Сибири [7, с. 8–12]. К исследованию она привлекла лишь восемь чертежей дореволюционного картографического фонда №50 Госархива Алтайского края (ГААК). На проверку применение механизации оказывается качественно шире.

Таблица 1.

Механизация металлургического производства на Алтае
в период феодализма

№ п/п	Оценка З.Г. Карпенко	Материалы картографического фонда №50 ГААК
1.	Печное дутье	Печное дутье
2.	Кричные молоты	Кричные молоты
3.		Дробилки руды и обогатительные механизмы
4.		Автоматизация подъема руды и водоотлива на рудниках
5.		Муссерные толчеи для приготовления флюсов на всех заводах
6.		Производство сузунской монеты
7.		Токарные станы Томского, Гурьевского, Барнаульского заводов и Сузунского монетного двора

В монографии 2012 г. автор статьи, основываясь на широком фактическом материале, включая технические чертежи и планы рудников второй половины XVIII – первой половины XIX в., показал, что производство серебра в период феодализма пережило три периода роста (1745–1784, 1786–1821 и 1830–1855 гг.) и, таким образом, технологии на Алтае в период феодализма бурно развивались.

Привлечение горнозаводской немецкой литературы первой половины XIX в. и публикации современной немецко- и англоязычной литературы позволило выяснить, что технико-технологический уровень на Алтае, в Саксонии, Гарце и Нижней Венгрии был одинаков потому, что новые технологии, появившись в одном производственном центре, распространялись повсеместно. А. Гумбольдт указывал на то, что «количество серебра, которое ежегодно извлекается из мексиканских рудников в 10 раз больше, чем все, что добывается во всех вместе взятых рудниках Европы» [14, с. 33], т.е. 90 %

мирового производства серебра давали испанские колонии Латинской Америки. Испанский престол имел два рычага воздействия на мировые цены на серебро: управление объемами производства через поставки ртути из метрополии и директивное распределение ее по рудникам, а также снижение себестоимости серебра через снижение цен на ртуть. Падение мировых цен на серебро сообщало импульс новому технологическому росту в Европе, поскольку новые технологии снижали себестоимость производства. Так, Алтай дал миру такие технические стандарты как автоматизация всех стадий добычи и обогащения руды на руднике и транспорт руд с рудника на завод по железной дороге. Таким образом опровергается и тезис о технической отсталости Алтая, и тезис об изоляции регионального горнозаводского комплекса от мировой экономической конъюнктуры.

Далее стало очевидно, что при одинаковых конструкциях плавильных печей и условия труда должны быть такими же, в т.ч. профессиональные болезни металлургов. А ведь именно профессиональные болезни металлургов стали основанием для обвинений в сверхэксплуатации на Алтае. Для шмельцеров (плавильщиков) профессиональным заболеванием было катаральное воспаление слизистых дыхательных путей от плавки необожженных сернистых руд, для форлейферов (засыпщиков) – варикозное расширение вен нижних конечностей, для ауфтрейгеров («разделительных мастеров») – мучительные колики легких от горения свинца.

Современник так описывал окрестности Лаутентальского завода в Гарце: «Воздух, зараженный свинцовыми парами, в изобилии скопляющимися в сей долине, вреден не только людям, но и всем животным, и препятствует заводить поблизости селения; вся окрестность завода представляет мертвый ландшафт, не оживленный зеленью травы и леса.

Люди, коих обязанность привязала к постоянному пребыванию в заводе, страдают без исключения болезнью, называемую здесь *Hüttenkatze*; она обнаруживается сильною коликою. Жирная пища и молоко сохраняют еще мастеровых от этой опасной отравы; напротив, всякая острая пища, преимущественно же кислая, возбуждает весьма опасные припадки. Большая часть рабочих, страдавших этою болезнью, делаются уродами, теряя употребление рук или ног; несмотря однако же на это, они иногда с помощью одной руки продолжают службу в заводе»¹.

Если на Алтае, в Саксонии и Гарце одинаков технический уровень и условия труда, значит, оплата труда должна быть одинаковой. В то же время, низкая оплата труда мастеровых на Алтае – один из главных аргументов в доказательство их сверхэксплуатации.

В первой половине XIX в. недельная заработная плата в Гарце составляла от 1,5 до 4 талеров, в среднем, 2–3 талера. Заработная плата позволяла удовлетворять лишь самые элементарные потребности. В Верхнем Гарце в

¹ Гернгросс 1-й. О сереброплавильном производстве Верхнего Гарца // Горный журнал. 1840. Ч. I. Кн. 1. С. 68–69.

1800 г. бурщик получал от 1 талера 6 грошей (всего 42 гроша) до 1 талера 34 гроша (70 грошей). В то время сумма в 34 гроша была нижней границей для пропитания двух человек [15, с. 40]. Итак, средняя годовая зарплата горняка и плавильщика в Гарце составляла 2 талера × 52 недели = 104 талера; 3 талера × 52 недели = 156 талеров, или ≈ 100–150 талеров.

По сообщению Фрейбергского обер-бергамта (Саксония) в 1838 г. в королевское министерство финансов, еженедельный заработок горняка и плавильщика, 1 талер 3 гроша, «так ограничен, что его едва хватает на содержание его самого и его семейства и... заставляет искать другие занятия»¹.

Таблица 2

Рост стоимости рабочей силы
в горнозаводской промышленности Алтая в 1849–1864 гг.

Специальность	Годовая заработная плата, руб.	
	1849 г.	1864 г.
Плавильщик	12	84–100
Мастер серебряного производства	120	104–150
Работник при воздуходушных машинах	9	96
Шлаковоз	3½–5	50–70
Горный работник	6–7½	80–150
Рудоразборщик	3½	50–70

Источник: Голубев П.А. Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 403.

В 1849 г. годовое жалованье рядового плавильщика на Барнаульском заводе составляло 12 руб. Столько же зарабатывал его саксонский коллега за три месяца. В ходе реформы 1861–1864 гг. оплата труда на Алтае выросла в 7–10 раз. Тем не менее, годовая заработная плата плавильного мастера на Алтае и до отмены крепостного права составляла 120 руб. и была вполне соразмерна с жалованьем его коллег в Германии, а в 1864 г. она колебалась в пределах 104–150 руб., или в среднем – 127 руб. Плавильные мастера относились к низовому слою местной администрации.

Попробуем размер оплаты труда на Алтае и в Германии с масштабом цен. Масштаб цен – это понятие, определяющее покупательную способность денежной единицы на внутреннем рынке. В 1821 г. в Барнаул прибыл английский путешественник Дж. Кокрен. В своих воспоминаниях он писал: «Заработки и прибыли (мастеровых – *V.V.*), извлекаемые из этой тяжелой работы, продолжающейся день и ночь, слишком уж пустячные, чтобы

¹ Mitteilungen über die Verhandlungen des Ordentlichen Landtags im Königsreich Sachsen. Dresden, 1868. Band 2. S. 1828.

упоминать о них, но, уже на первый взгляд заметно, что их состояние далеко от бедности» [13, с. 190].

Далее Кокрен приводит местные цены: «обычный хлеб, который используется всеми классами населения – 3 пенса за 40 фунтов (18 кг. – В.В.); великолепная говядина, 15 пенсов за 40 фунтов...; и овощи, яйца, молоко, масло и т. д., – все можно приобрести за карманные деньги» [13, с. 191]. Оценка заработной платы на Алтае и в Германии корректна именно с применением масштаба цен, так что оплата труда была соразмерна и в обоих случаях недостаточна.

Приработки мастеровых на Алтае – еще один из аргументов в подтверждение тезиса о сверхэксплуатации. С 1786 г. для горняков, а с 1801 г. для плавильщиков на Колывано-Воскресенских заводах учреждался трехнедельный рабочий цикл: 12 часов в дневную смену – первая неделя, 12 часов в ночную – вторая неделя, третья неделя объявлялась гульной, в течение которой мастеровой мог заниматься подсобным хозяйством, которое служило подспорьем при недостаточной плате. Кроме того, мастеровые на Алтае ежемесячно получали бесплатный провиант на себя, супругу и детей обоего пола.

Горный советник Гарца Фридрих Шелль (1818–1889 г.), начавший свою карьеру еще мальчиком на рудообогатительной фабрике, отмечал: «Жизнь горняка богата на работу и лишения... Он должен содержать свою семью; детьми горняки награждены щедро, и поэтому недельной платы не хватает. Он еще ищет какой-нибудь род подработки и выполняет ее, будучи сильно уставшим» [15, с. 41].

Детский труд широко применялся в Саксонии, Гарце и на Алтае. В Гарце мальчики начинали работать с 10 лет, на Алтае – с 12-ти. В Гарце существовала такая специальность как пох-юнгэ, *Pochjunge* (нем. Poch – толчея, Junge – мальчик).

Мальчики-подростки в Гарце привлекались к молоточному разбору руды и, как было сказано выше, к механическому обогащению. Современный немецкий исследователь Вильфред Лиссман пишет: «Сортировка руд не была легким "куском хлеба". Особенно в зимний сезон маленькие работники страдали от постоянной сырости в не отапливаемых помещениях. Последствиями этой вредной работы были распространенные ревматические заболевания, а также туберкулез» [15, с. 41].

Главный начальник КВЗ Г.С. Качка в 1793 г. осматривал горняков Змеиногорского и Семеновского рудников. Он писал: «А как скудны корпусом и моложавы, как оные при осмотре моем по виду оказались и против прочих силами слабее и в крепости корпуса не так видны, то пока они возмужают и в силах укрепятся, по тех пор делать соразмерное силам их употребление, наблюдая, чтоб они против настоящих работников, сколько

возможно, в тяжелых работах не находились»¹. Качка заметил у нескольких работников на ногах и руках «цинготные раны» и предписал, чтобы «быть им единственно у разбору руд». До осмотра рудников Качкой всем работникам на разборе руд платили по 4 коп. в день «без разбору лет». 12–13-летним рудоразборщикам отныне полагалось платить 2–3 коп. в день. Как указал еще И. Тыжнов, алтайская горная администрация всегда относилась к подведомственному населению с коммерческой точки зрения.

Исследователь Гарца В. Лиссман также отмечает, что чрезвычайно интенсивное обогащение руды вряд ли было бы столь рентабельно без дешевой рабочей силы. Детский труд до второй половины XIX в. являлся неотъемлемой частью горного дела Гарца. На Алтае детский труд полностью исчез на рудниках и за крайне редким исключением на заводах после отмены обязательного труда в 1861–1864 гг.

Наконец, в вину императорскому Кабинету ставится повышенный травматизм горняков. Как свидетельствовал геолог К. Риппер, «здешние (алтайские) госпитали всегда полны» [11, с. 238]. От ревматизма и цинги умирало больше горнорабочих, чем от травм. Так, в 1832–1833 гг. в течение двух лет в Саксонии получили ранение 474 горняка и погибло 10 горняков: пять из них упали в шахты, трое – задавлены при обвалах, один убит упавшей бадьей, один погиб от взрыва буровой скважины².

Эксплуатация на Алтае, в Саксонии и Гарце далеко не достигла такого ужасающего размера как в Англии или Франции периода индустриальной революции. В 1840 г. в Английском парламенте разразился скандал, когда были вскрыты факты работ десятилетних мальчиков в угольных шахтах по 10–12 часов в сутки, без освещения, находясь в крошечной темноте забоя в одиночестве [9, с. 109]. Во Франции половина горняков была в возрасте 10–20 лет³. В Гарце работы внутри рудника для детей (и женщин тоже) запрещались правилами.

Сложнее обстоит с оценкой телесных наказаний мастеровых. Н. Зобнин писал, что с 1761 г. мастеровые попали «под палку и шпицрутены тогдашней варварской военной дисциплины» [4, с. 7]. Первая постоянная военно-судная комиссия была учреждена в Барнауле в 1777 г. Всего с этого времени по 1868 гг. А.А. Пережогиным было выявлено почти 6,3 тыс. военно-судных дел, из которых 3,4 тыс. – о побеге, в том числе 3,1 тыс. дел – о побеге мастеровых. Во все это время под военным судом состояло 8,7 тыс. лиц, из которых 6,7 тыс. чел. (или 77 %) были мастеровыми, 876 чел. – это урочники и 24 чел. – приписные крестьяне [10, с. 237–238].

¹ Из предписания начальника Кольвано-Воскресенских заводов Г.С. Качки // Алтайские горные офицеры. С. 92–93.

² Несчастные случаи, бывшие при Саксонском горном производстве в 1832 и 1833 годах // Горный журнал. 1835. Ч. II. С. 450.

³ Взгляд на состояние горных работников во Франции // Горный журнал. 1844. Ч. III. С. 326.

Вопрос в том, каков процент мастеровых, подвергавшихся телесным наказаниям – ключевой в оценке эффективности военно-горного строя, который еще предстоит изучить в процессе рутинной архивной работы. В период 1763–1795 гг. приписная деревня, по мнению Ю.С. Булыгина, дала 5 тыс. мастеровых, а по данным Н. Зобнина с 1795 по 1860 гг. на службу было рекрутировано более 16 тыс. приписных крестьян [2, с. 110; 4, с. 18]. Подобных оценок внутреннего прироста мастеровых в историографии нет. Далее следует сопоставить количество мастеровых, подвергавшихся наказанию шпицрутенами и розгами (учитывая и повторность наказаний) с общим количеством мастеровых за весь период феодализма. Причем следует обратить внимание на происхождение мастерового. Рекруты из крестьян до женитьбы жили в условиях казармы по военному уставу отдельно от общей массы мастеровых холостого состояния и после вольной деревенской жизни, конечно, пребывали в состоянии сильнейшей психологической ломки и были склонны к побегам значительно больше, чем потомки мастеровых, привыкших жить под звон колокола, предупреждавшего о наступлении новой смены. С рудников бежало гораздо больше мастеровых, чем с заводов. Оценивать это явление надо и с позиций тяжести работы в тесном и душном забое при слабом свете горного фонаря, когда горняк чувствует себя заживо погребенным, и также происхождение беглецов. Вероятно, процент подвергнутых телесным наказаниям однократно и повторно будет низким и сможет кардинально изменить представления о роли и эффективности военно-горного строя.

Поэтому в контексте сословных и социальных трансформаций на юге Западной Сибири в период феодализма протекали процессы промышленной модернизации и складывания потомственного пролетариата, аналогичные европейским, включая складывание городских центров с населением, изначально ориентированным на горное дело и металлургию.

Список литературы

1. Агапова Т.И. Кризис крепостной горной промышленности Сибири (конец XVIII – первая половина XIX в.) Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1953.
2. Булыгин Ю.С. Приписная деревня на Алтае в XVIII в. Ч. 1. Барнаул, 1997.
3. Ведерников В.В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул, 2012.
4. Зобнин Н. Мастеровые Алтайских горных заводов до освобождения // Сибирский сборник. Кн. II. СПб., 1892. С. 1–48.
5. Зобнин Н. Положение рабочих // Алтай: Историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа. Томск, 1890. С. 391–415.
6. История Сибири. Л., 1968. Т. II.
7. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1963.

8. Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700–1860 гг. Новосибирск, 1963.
9. Курехин В.В., Масаев Ю.А., Першин В.В. История становления техники и технологии горного дела. Кемерово, 2000. С. 109.
10. Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.
11. Риппер К. Землеведение Азии. Т.IV. СПб., 1877. С. 238.
12. Тыжнов И. Из истории горнозаводского населения на Алтае // Алтайский сборник. № 6 (2) Барнаул, 1907. С. 1–151.
13. Cochrain John Dundas. Narrative of a pedestrian journey trough Russia and Siberian Tartary. 2nd edition. London, 1824. Vol. 1. P. 190.
14. Humboldt, Alexander. Versuch über den politischen Zustand des Königsreichs Neu-Spanien. Tübingen, 1813. S. 33.
15. Ließmann Wilfried. Historischer Bergbau im Harz: Ein Kurzführer. Berlin, 2010.